

Стоило Андерсону очнуться, как следом проснулся и Лу И. Услышав шорох — тот уже поднимался, — он тут же вскинул голову.

Андерсон сидел на медвежьей шкуре и осторожно отдирал марлевую повязку с шеи. Выглядел он неважно: лоб прорезала хмурая складка, хотя к его мужественному лицу наконец-то вернулся нормальный цвет, сменивший болезненную красноту.

Лу И опустил взгляд на Тан Буфаня, которого по-прежнему прижимал к себе. Лицо мужчины пугало мертвенной бледностью, а дыхание сделалось настолько слабым, что едва угадывалось.

Лу И похолодел от страха. Он порывисто нырнул рукой под одеяло, прижав ладонь к груди Тан Буфаня с левой стороны. Лишь ощутив под пальцами слабое, но ровное биение сердца, он наконец выдохнул и расслабился.

Стараясь не шуметь, он выбрался из-под теплого одеяла.

— Как ты? — Лу И подошел к подстилке Андерсона и присел на корточки.

Вглядевшись в шею товарища, он заметил, что жуткая россыпь волдырей сошла, оставив после себя лишь багровое воспаленное пятно.

— Живой, — Андерсон поморщился и раздраженно цокнул языком. — Эта чертова банда уже поперек горла стоит.

— Поешь мяса, — Лу И кивнул на складной столик, где высилась гора сырой нарезки. Они с Тан Буфанем вытащили её размораживаться еще перед сном. В машине стоял собачий холод, так что за свежесть можно было не опасаться.

Андерсон и впрямь был голоден как волк. Скинув меховое одеяло, он поднялся на ноги. Лу И тоже не отказался бы перекусить, поэтому направился к кухонной зоне и распахнул морозильный ларь.

Оба рослых зверолода принялись жадно уплетать сырое мясо. Лу И жевал и размышлял: как только они закончат, он в одиночку вернется в подземное убежище, чтобы осмотреться еще раз, а Андерсона оставит в фургоне присматривать за Тан Буфанем.

Посреди трапезы Андерсон вдруг зашелся хриплым, безудержным хохотом. Лу И нахмурился и удивленно воззрился на него — этот внезапный приступ веселья казался слегка безумным.

— Ты чего ржёшь?

— Да так, подумал, какими жалкими мы стали, — Андерсон прищурился, с откровенной

издевкой разглядывая осунувшегося, изможденного Лу И. — Точнее, каким обтрепанным выглядишь ты.

Лу И опешил. Он повернулся к окну, на покрытом изморозью стекле которого смутно проступало его отражение. Старый, растянутый свитер со спущенными петлями, растрепанные после сна золотистые волосы, некогда безупречное, а теперь заметно осунувшееся лицо.

Лу И вгляделся в импровизированное зеркало повнимательнее и, как ни странно, остался доволен.

— А по-моему, я похорошел, — он провел ладонью по подбородку. — Стал мужественнее.

С тех пор как в его жизни появился Тан Буфань, разница в возрасте превратилась для Лу И в настоящую занозу. Мужчина то и дело осаживал его, напоминая, что тот еще слишком юн, и Лу И это жутко задевало.

От такого неприкрытого самолюбования Андерсон аж поперхнулся. Он-то рассчитывал уязвить парня, но тот и ухом не повел.

Впрочем, скользнув взглядом по его лицу, с которого почти стерлась былая юношеская мягкость, Андерсон мысленно признал: полгода скитаний действительно закалили мальчишку, превратив его в мужчину.

— И толку от твоей мужественности? — Андерсон кивнул на спящего Тан Буфаня и ехидно хмыкнул: — Думаешь, он оценит? Ему-то на тебя плевать.

Лу И промолчал. Эти слова попали в самую цель. Понурился, он вернулся к еде, и лицо его заметно помрачнело.

«Моё сердце принадлежит не тебе».

Лу И и представить не мог, что когда-нибудь услышит подобное от любимого человека.

— Учитель любит меня, — тихо произнес Лу И, не поднимая глаз. — Просто... эти чувства для него — далеко не всё. Мой отец когда-то говорил нечто похожее. Он утверждал, будто мама любила его, но, будучи лидером Фракции сопротивления, просто не могла себе позволить выказать эту слабость. Её безумие рождалось из того, что она была заложницей собственной организации, своих соратников. Ей приходилось изображать ненависть, ведь только так она могла заглушить чувство вины и избежать упреков со стороны единомышленников.

Андерсон поморщился. Он терпеть не мог Анну и меньше всего на свете желал выслушивать откровения о её жизни.

— Тогда я не верил отцу, — продолжал Лу И. — Если любишь, разве сможешь причинить боль? Разве сможешь бросить? Но сейчас... кажется, я начинаю понимать. Учитель просто ищет способ примириться с собственной совестью. Найти покой.

Наверное, именно поэтому, когда Тан Буфань произносил те слова, его глаза предательски блестели от слез.

— Чушь. Это значит лишь то, что его любовь слишком слаба, — отрезал Андерсон. — Истинное чувство сметает любые преграды. Ради него можно отречься от всего мира.

Он раздраженно посмотрел на поникшего парня и добавил с явным укором:

— И вообще, у тебя хоть капля гордости есть? Он за порог, а ты ему дорожку стелешь? Где твоё упрямство? Где характер?

— И на чем мне настаивать? Держать его на цепи, как это делал мой отец? — в душе Лу И поднялась горькая волна воспоминаний о собственном детстве. — Нет. Это не любовь, а банальное насилие, прикрытое красивыми словами.

Андерсон промолчал. Спустя секунду он покачал головой и усмехнулся:

— Поразительно. У таких чудовищ, как Анна и Ханс, вырос столь мягкосердечный сын. Чертовщина какая-то.

Лу И лишь слабо, неопределенно улыбнулся, не зная, хвалят его сейчас или оскорбляют. Он бросил короткий взгляд на спящего Тан Буфаня, но тоскливая тяжесть на сердце так и не рассеялась.

Быстро расправившись с остатками мяса, Лу И поднялся:

— Я еще раз спущусь в бункер. Нужно поискать зацепки, которые могли бы вывести на этот их синдикат.

— Я с тобой, — отозвался Андерсон. Слабость в мышцах еще давала о себе знать, но от жуткой аллергии не осталось и следа.

— Не стоит. Останься в фургоне с учителем, — Лу И по-прежнему тревожился за безопасность Тан Буфаня.

— Да ладно тебе, всех здешних токсичных людей мы уже перебили, что с ним случится? — Андерсон закатил глаза, явно считая опеку чрезмерной. — К тому же тут Братец Кай на связи. Если что-то пойдет не так, он сразу подаст сигнал.

Подземное убежище располагалось на небольшой глубине, так что связь между Братцем Каем и Энтони работала бесперебойно.

Лу И поколебался, но в итоге уступил. Спорить с Андерсоном всё равно было бесполезно — тот шёл напролом.

Они один за другим прыгнули на бетонный пол и двинулись сквозь могильный мрак тоннеля к тяжелой, покрытой рыжими хлопьями ржавчины железной гермодвери.

На первом ярусе, как и ожидалось, ловить было нечего. Спустившись по гулкой металлической лестнице на первый подземный этаж, они принялись методично прочесывать комнату за комнатой.

Вокруг царило кладбищенское безмолвие, их чуткий слух не улавливал ни единого постороннего звука. Тем не менее сканеры Энтони по-прежнему не могли пробиться на третий подземный ярус — там явно работало мощное экранирующее устройство.

— А теперь выложи мне всё как есть: какие отношения связывают твоего Учителя Тан с этой группировкой? — внезапно нарушил молчание Андерсон.

Лу И на секунду запнулся, прежде чем сообразил, что тот имеет в виду Учителя Тан.

— Он жертва этого синдиката, — сухо ответил он.

— Это я уже слышал, — Андерсон с досадой пнул хлипкую, покосившуюся дверь. — Я слышал их разговор с тем типом. Какое-то секретное исследование, так? И готов поспорить, ты в курсе дела.

Лу И промолчал. Несмотря на то что теперь он доверял Андерсону, раскрывать чужую тайну о том, что Тан Буфань прибыл из другого мира, он не имел права.

Немного подумав, он ответил:

— Я поговорю с учителем. Если он сочтет нужным, то сам всё расскажет.

Андерсон лишь презрительно фыркнул, и они вместе спустились на второй подземный уровень.

Длинный, тонущий во мраке коридор до сих пор хранил следы недавней схватки и взрыва двух мутировавших toxic-людей. Стены, пол и потолок были густо забрызганы их вязкой зеленой кровью, а в воздухе висел удушливый, гнилостный смрад.

В замкнутом пространстве заброшенного бункера вони некуда было деться. Чтобы не схватить очередное жесткое отравление, оба зверолода поспешно прикрыли лица рукавами.

Под ногами валялось тряпье — бесформенные, грубые балахоны из серой мешковины, в которые были облачены токсичные люди. Лу И носком тяжелого армейского ботинка лениво поворошил кучу ткани. Из-под складок показались куски плоти: темно-зеленая дряблая кожа, свисающая с гнилых костей, напоминала раздавленные, подернутые плесенью персики.

— Сколько им было на вид? — спросил Лу И. — Как они вообще выглядели?

— Мелкие, замученные. Лет по шестнадцать-семнадцать на вид, хотя могли быть и старше, — припоминал Андерсон, сквозь рукав втягивая прохладный воздух. — Абсолютно лысые, а плоть на ощупь мягкая, будто перезрелые плоды. Но соображали они на удивление быстро, сознание совершенно человеческое.

Лу И помрачнел:

— Выходит, эти фанатики научились возвращать токсичным людям рассудок?

— Ценой превращения в окончательное уродство, — хмыкнул Андерсон. — Лично я предпочел бы сдохнуть безмозглым овощем, чем очнуться и обнаружить, что мои руки проросли корнями, а кожа превратилась в сухую древесную кору.

Лу И едва не возразил, что обычные токсичные люди тоже далеки от эталонов красоты, но промолчал.

— Жаль, до Западной Федерации отсюда слишком далеко, — вздохнул Лу И, пробираясь дальше по зловонному коридору. — Институту генетики эти ошметки очень быгодились для анализа.

— Не переживай, возможно, они уже хозяйничают на наших границах, — ядовито отозвался Андерсон. — Представь, если крылатые токсичные люди начнут сбрасывать этих смертников прямо нам на головы. С такой убойной токсичностью все средние и низшие зверолоды вымрут в одночасье.

От такой перспективы на душе у Лу И заскребли кошки.

Они толкнули тяжелую дверь помещения, где содержался бионический андроид. В нос ударил едкий, удушливый запах горелой проводки и пластика. От мужчины, с которым они сражались, уцелел лишь закопченный титановый скелет.

Обойдя обугленные останки, напарники присели рядом. Андерсон посмотрел на пустую глазницу скелета, откуда торчала рукоять армейского ножа, усмехнулся и резким движением

выдернул клинок.

— Подумать только, когда Учитель Тан всучил мне эту зубочистку в обмен на мою экипировку, я решил, что он просто издевается, — Андерсон подбросил нож на ладони, замороженно глядя на тусклое лезвие. — А ведь эта кроха в итоге спасла нам шкуру.

Андроид не сгорел заживо — пламя лишь уничтожило внешнюю оболочку. Его окончательно вывел из строя именно этот точный удар лезвием в глазницу, закоротивший центральный процессор.

Конечно, зажигалка Тан Буфая тоже сослужила хорошую службу, подарив им нужные секунды.

— Теперь-то ты веришь, что он никак не связан с этим синдикатом? — спросил Лу И, наваливаясь всем весом и пытаясь вскрыть деформированный металлический череп.

— Я бы не спешил с выводами, — фыркнул Андерсон с привычным скепсисом. — Вдруг это разыграно как по нотам? Наш дорогой учитель — мастер перевоплощений.

Лу И лишь покачал головой, не желая ввязываться в бессмысленный спор, и сосредоточился на сверхпрочном титановом сплаве.

— И даже если он действительно не имеет к ним отношения, его стремление разыскать их логово — факт неоспоримый, верно? — Андерсон внимательно следил за его движениями. — А значит, он просто использует тебя как щит, чтобы пробиться к своей цели.

Между бровей Лу И пролегла едва заметная складка.

— Ты — наследник верховного лидера Западной Федерации, — тон Андерсона лишился прежней иронии и стал серьезным. — Хоть раз подумай головой: что произойдет, если ты окажешься у них в заложниках?

Лу И промолчал. С тихим щелчком он наконец извлек из развороченного паза обгоревший кремниевый чип.

Видя, что парень упорно уходит от ответа, Андерсон лишь холодно усмехнулся.

Следом Лу И попытался извлечь ядерный элемент питания андроида, но, увы, тот полностью выгорел при пожаре. Пришлось швырнуть бесполезный кусок металла обратно в обугленный остов.

Оставив мертвеца, они заглянули в бывшую столовую в конце коридора. Пол там

действительно покрывал толстый слой жирного чернозема — именно из этой почвы мутировавшие toxic-люди черпали свои жизненные силы.

Спустившись на самый нижний, третий ярус, они обнаружили, что это полностью изолированный противорадиационный бункер глубокого заложения — именно поэтому датчики Энтони пасовали перед его стенами. Однако тщательный досмотр не принес результатов: ни документов, ни следов пребывания синдиката, ни даже мало-мальски полезных припасов.

По углам валялись лишь горы ржавых консервных банок и пустой пластик. В углу, привалившись к стене, покоился иссохший человеческий скелет. Очевидно, тысячу лет назад, когда остальные выжившие решились выйти наружу в поисках спасения, этот бедолага до последнего цеплялся за свое каменное гнездо. Одиночество и голодная смерть стали его финалом.

— Раз этот консервный кусок заявлял, что нас заманили сюда специально, глупо было надеяться, что они оставят компромат, — разочарованно резюмировал Андерсон. — Уходим.

Лу И молча кивнул. Спрятав добытый чип в карман, он вместе с Андерсоном покинул мрачные своды подземного убежища.

Тан Буфань всё так же безмятежно спал на мягких медвежьих шкурах. Лу И опустился рядом с ним на колени и долго, не отрываясь, вглядывался в его лицо, едва заметно коснувшись пальцами исхудавшей бледной щеки. Затем он поднялся и уверенным шагом направился в кабину водителя.

— Братец Кай, трогай.

<http://bllate.org/book/19039/2003696>